

RECENZIJOS

Генюшене Э. Ш. **Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов.** — Вильнюс, 1983. — 168 с., 17 табл.

При изучении грамматического строя языка первостепенное значение имеет определение синтаксических и семантических свойств глагола и их изменений, от которых зависит структура предложения. Именно таким изменением глагольной валентности является рефлексивизация. Рефлексивные глаголы балтийских и других родственных языков изучаются давно, но до сих пор главным образом изолированно, с применением разных принципов классификации. Поэтому весьма актуальным является труд Э. Генюшене, в котором проблема рефлексивов подвергнута типологическому исследованию на основании единых и эксплицитно определенных критериев.

Рецензируемая работа является сокращенным изложением положений докторской диссертации, защищенной автором в 1984 г. в Вильнюсском государственном университете им. В. Капсукаса. В ней обобщаются исследования рефлексивных глаголов (в дальнейшем — РГ), проведенные автором в течение последнего десятилетия, результаты которых более подробно изложены в ее многочисленных статьях¹.

¹Из них можно указать следующие: Литовские субъектные возвратные глаголы в сопоставлении с русскими. — ABSI, 1976, т. 10, с. 219—234; Транзитивные рефлексивы

Работа основана на широкой эмпирической базе. Только по балтийским языкам автором проанализированы морфологические, семантические и конструктивные свойства около 10 тыс. рефлексивных глаголов, сопоставленных с более многочисленными нереплексивными; более 30 тыс. употреблений рефлексивных конструк-

в литовском языке. — ABSI, 1977, т. 11, с. 194—209; Бенефактивные транзитивные рефлексивы в литовском языке. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 156—161; К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка). — В кн.: Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981, с. 160—184; Dabartinės lietuvių kalbos konversiniai sangražiniai veiksmažodžiai. — Baltistica, 2 priedas, 1977, p. 63—69; Dėl vienos sangražinių veiksmažodžių grupės semantikos. — Kalbotyra, 1977, t. 28 (1), p. 24—28; Die Reflexivverben des Litauischen im Vergleich zu denen des Lettischen, Russischen und Deutschen. — ZfSl, 1978, Bd. 23, S. 657—666; English Reflexives and their Status. — Kalbotyra, 1978, t. 29 (3), p. 14—19; Sangražinių veiksmažodžių ir įvardžio *save* junginių su veiksmažodžiais sinonimijos problema. — Kalbotyra, 1980, t. 31 (1), p. 7—16; Tranzityvinių sangražinių veiksmažodžių sinonimai. — Kalbotyra, 1981, t. 32 (1), p. 5—15; Reversyvumo sąvoka ir nereversyvieji sangražiniai veiksmažodžiai (reflexiva tantum). — Kalbotyra, 1982, t. 33 (1), p. 21—29.

ций использовано при изучении рефлексивов английского языка. Сплошная выборка материала из академических словарей и других источников позволила автору составить исчерпывающие списки рефлексивов литовского, латышского и английского языков и провести их статистическую обработку, результаты которой использованы при типологическом анализе и представлены в таблицах. Для привлечения данных по другим 48 языкам автором изучена обширная литература и проведена большая работа с информантами.

Методологической основой исследования послужили принципы типологического изучения грамматических явлений по модели диатез, предложенной А. А. Холодовичем и развиваемой ленинградской школой структурной типологии. Исходя из анализа синтаксических и семантических свойств РГ балтийских языков, автор определила их основные функции и смысловые классы, которые в дальнейшем проверены на материале других разносистемных языков и использованы для разработки общей типологии рефлексивов.

Работа состоит из четырех глав и заключения. I глава „Теоретические аспекты исследования рефлексивов“ (с. 8—20) содержит краткий обзор теории рефлексивов и их изучения в балтистике. Значения и функции рефлексивов автором определяются на основании их деривационных отношений с базовыми глаголами. В лексическом значении глагола выделяются три плана: а) смысловая (компонентная), б) ролевая и в) референтная структуры.

В смысловой структуре глагола различаются следующие „базовые смыслы“: стативный („быть каким-л., где-л.“), инхоативный („становиться“), каузативный („каузировать“) и акциональный („действовать“); на их основе выделены соответствующие классы глаголов: стивы (*висеть, находиться*), акциональные глаголы (*бегать*), инхоативы (*расширяться*) и каузативы. В связи с этим можно заметить,

что в отличие от акционального или стативного смыслов, различающих наиболее крупные семантические классы предикатов, каузативный, частично и инхоативный смыслы могут быть представлены в качестве операторов над предикатом, т.е. несут модификационный характер.

Ролевая структура значения глагола автором определена путем выделения отдельных семантических ролей (или семантических падежей) и объединения их в гиперроли субъекта, объекта, датива, инструмента и локатива. Данные гиперроли мотивированы их релевантностью для представления изменений в диатезах при рефлексивизации. Спорным нам представляется причисление пациенса целиком к объекту (с. 15). При глаголах состояния пациенс соответствует семантической категории (resp. гиперроли) субъекта (напр.: *дерево лежит*) и явно отличается от пациенса при глаголах действия, соответствующего объекту (*рубят дерево*). Однозначное определение состава гиперролей субъекта и объекта, по нашему мнению, возможно лишь путем смысловой субкатегоризации глаголов на глаголы действия и состояния. Это дает основание включить роль пациенса при глаголах состояния в гиперроль (или семантическую категорию) субъекта, а при глаголах действия — объекта (подробнее об этом см.: LKK, т. 25, с. 4 и след.).

В качестве третьего плана представления значения глагола выделена референтная структура, которая отражает отношение действия к участникам ситуации. Выделение референтной структуры способствует описанию процесса рефлексивизации и позволяет избежать прямой отнесенности ролевой структуры к внеязыковой ситуации, что часто наблюдается во многих работах по семантике. Различаются следующие семантические типы референтов: а) потенты, включающие одушевленные референты, в том числе лица, и некоторые неодушевленные (напр., силы природы); б) непотенты — неодушевленные предметы, не обладающие

энергией; в) партитивные референты — части тела и свойства референтов-лиц (с. 15—16).

Синтаксическая структура глагола в работе описывается в терминах членов предложения: подлежащего и дополнений. Дополнением считается любой член предложения в косвенном падеже, называющий семантическую валентность. Устанавливается следующая иерархия членов предложений (примерно соответствующая их иерархии в реляционной грамматике): подлежащее > прямое дополнение > косвенное дативное дополнение > другие косвенные дополнения > косвенное агентивное дополнение.

Соответствия между ролевой, референтной и синтаксической структурами изображаются с помощью схем соответствий — трехуровневых диаграмм.

Во II главе „Рефлексивные глаголы в балтийских языках“ (с. 21—65) указанные методические принципы применяются при анализе РГ литовского, латышского и прусского языков. Убедительно установлен словообразовательный характер балтийских рефлексивов. На основе деривационных отношений с исходными словами все рефлексивы разделены на производные (имеющие формально соотносительные исходные слова — 99 %) и непроизводные (*reflexiva tantum*). По признаку категориальной принадлежности исходного слова к определенной части речи формально производные рефлексивы делятся на отглагольные (лит. — 97,5 %, лтш. — 95 %) и отыменные (напр., лтш. *viesoties* „гоститься“: *viesis* „гость“). Отглагольные рефлексивы, которые образуются посредством только рефлексивного показателя и являются обратимыми, т.е. сохраняющими лексическое значение исходных глаголов, представляют собой основной, наиболее многочисленный класс РГ. В работе они подвергаются детальной синтаксической и семантической классификации.

По признакам изменений в синтаксической структуре исходного слова выделены следующие синтаксические классы РГ: 1) субъектные РГ, сохраняющие идентичность подлежащего и элиминирующие или изменяющие прямое дополнение: *tėvas užklojo vaiką* „отец накрыл ребенка“ (чем-л.) → *tėvas užsiklojo* „отец накрылся“ (чем-л.) (лит. — 27 %, лтш. — 41 %); 2) объектные РГ, у которых прямое дополнение исходного глагола превращается в подлежащее рефлексивной конструкции: *Petras atidarė duris* „Пятрас открыл дверь“ → *durys atsidarė* „дверь открылась“ (лит. — 31 %, лтш. — 49 %); 3) дативные транзитивные РГ, у которых сохраняются подлежащее и прямое дополнение нерефлексивной конструкции и элиминируется дативное дополнение: *Petras nupirko man knygą* „Пятрас купил мне книгу“ → *Petras nusipirko knygą* „Пятрас купил себе книгу“ (лит. — 28 %, лтш. — 0,7 %); 4) рефлексивы, сохраняющие синтаксическую структуру исходной конструкции: *vaikas apkabino motiną* „ребенок обнял мать“ → *vaikas apsikabino motiną* „то же“ (лит. — 14 %, лтш. — 9,3 %). Автор приходит к выводу, что „малочисленность и непродуктивность класса дативных транзитивных рефлексивов в латышском языке составляет главное и весьма разительное типологическое отличие латышских рефлексивов от литовских“ (с. 57). В качестве исторического комментария можно отметить, что некоторые транзитивные рефлексивы, которые в современном латышском литературном языке соотносятся главным образом с именами или являются необратимыми, в фольклоре и народно-разговорном языке еще могут быть поставлены в деривационную связь с соответствующими нерефлексивными глаголами. Напр., наряду с *atcerētiēs* „припомнить“ в словаре Мюленбаха-Эндзелена приводится также *atcerēt (es tevi atcerēšu I 153)*, наряду с *āizņemtīēs (naudu)* „взять в долг (деньги)“ — *āizņemt (I 42)*. С нерефлексивными глаголами могут быть

соотнесены и такие рефлексивы, как *badoties*, *atdusēties*, *rotāļāties*, ср. *baduot* (ME I 248), *atdusēt* (I 155), *ruōtāļāt* (III 583). Падение продуктивности транзитивных, особенно дативных рефлексивов в латышском языке (реликты последних также в основном встречаются в фольклоре), по-видимому, представляет сравнительно новое явление.

РГ каждого синтаксического класса подвергнуты семантической классификации по признаку смыслового соотношения с исходным глаголом, отраженного в диатезе. Субъектные рефлексивы разделены на пять основных смысловых классов: 1) РГ с рефлексивным значением (значение однорегерентности субъекта действия с объектом); 2) посессивно-рефлексивные РГ (объект — часть субъекта), напр., *atsimerkti* „открыть глаза“; 3) абсолюттивные РГ, напр., *keiktis* „ругаться“, *bartis* „браниться“; 4) автокаузативные РГ, напр., *keltis* „подниматься“; 5) реципрокные РГ, напр., (*vaikai*) *pešasi* „дети дерутся“. По количественному распределению РГ в данные классы латышский язык отличается от литовского гораздо большим числом автокаузативных РГ (лит. — 140, т.е. 15,2 %, лтш. — 210, т.е. 28,3 %). Автор объясняет это различие меньшим числом исходных интранзитивных глаголов с автокаузативным значением в современном латышском языке (с. 33). С исторической точки зрения распространение РГ с автокаузативным значением вместо нереплексивных глаголов также является сравнительно новым явлением; литовский язык в данном случае сохранил более древнее состояние.

Объектные РГ с элиминируемым подлежащим делятся на три основных смысловых класса: 1) декаузативные РГ, напр., *durys atsidarē* „дверь открылась“; 2) автокаузативные РГ, напр., *arklys išsikinkē* „лошадь отпряглась“; 3) квазипассивные РГ, напр., *išsieikvoti* „истратиться“, *nusi-*

avēti „износиться“. Автор отмечает, что отсутствие имплицитного субъекта действия отличает декаузативное и квазипассивное значение от пассивного, последнее рефлексивам балтийских языков не свойственно.

Дискуссионным нам представляется выделение подкласса результативно-пассивных РГ (с. 46—49). Результативно-пассивное значение автор усматривает в таких конструкциях, как лит. *daug pinigų išsiekvojo* „много денег истратилось“ (на с. 47 приведен неточный перевод: „деньги быстро истратились“); лтш. *vārds izsacījās nejauši* „слово произнеслось нечаянно“. Результативное значение, которым обладают префиксальные рефлексивы, обусловлено не столько рефлексивным формантом, сколько префиксом. Семантической функцией рефлексивного форманта здесь более целесообразно считать значение самопроизвольности действия. Дативу с такими рефлексивами, как и в конструкциях типа *man norisi arbatos* „мне хочется чаю“ (с. 49), не следовало бы приписывать роль агенса, т.е. производителя глагольного действия.

Среди объектных РГ, у которых исходное подлежащее превращается в косвенное дополнение, различаются: 1) лексические конверсивы (*dangus atsispindi ežere* „небо отражается в озере“) и 2) автокуративные РГ (*skustis* „бриться“, *gydytis* „лечиться“).

Дативные транзитивные РГ по семантическим признакам подразделяются на: 1) реципиентные: *motina nusivilko paltā* „мать сняла (с себя) пальто“; 2) посессивно-объектные: *Zita prausiasi veidā* „Зита умывает себе лицо“; 3) бенефактивные: *aš nusipirkau knygą* „я купил себе книгу“.

При характеристике выделенных словообразовательных, синтаксических и семантических типов литовских и латышских РГ приведены их количественные и процентные соотношения.

Рефлективы прусского языка, более подробно рассмотренные в отдельной статье², в монографии характеризуются весьма кратко (с. 62–65). Убедительно выявлено наличие транзитивных рефлексивов с формантом *-sin* в прусских текстах, напр.: *Erains mukinsusin swaian mukinsman* III 97₂₀ — *Ein jeder lern sein* *Lectio* III 96₁₆. Однако спорным следует считать включение в состав прусских рефлексивов конструкций с местоимениями в форме аккузатива *mien* „меня“, *tien* „тебя“, *mans* „нас“, *vans* „вас“. Калькированный характер этих конструкций очевиден и хорошо доказан в ранее вышедшей литературе³.

Последовательная синтаксическая и семантическая классификация РГ балтийских языков, проведенная в данной монографии, находится в полном согласии с уже укоренившимся в балтистике положением, что рефлексивный формант служит одним из основных средств интранзитивации глагола.

В III главе „Рефлективы в английском языке“ (с. 66–87) классификационная схема РГ, разработанная на материале балтийских языков, применена при описании языка весьма разной структуры. Установлено, что рефлективы английского языка, несмотря на разное оформление, сходны с балтийскими по своим основным функциям, но отличаются ограниченностью семантического спектра и большой активностью развития. Автор указывает, что это свидетельствует о сравнительно новой стадии развития данной категории в английском языке.

В IV главе монографии (с. 88–143) разработана типология рефлексивных гла-

голов, которая опирается на сопоставление данных 50 индоевропейских и неиндоевропейских языков. Из индоевропейских языков выбраны следующие: 1) балтийские: литовский, латышский; 2) славянские: русский, украинский, белорусский, болгарский, македонский, сербскохорватский, чешский, словацкий, польский; 3) германские: немецкий, английский, шведский, норвежский, исландский; 4) италийские: латинский; 5) романские: французский, испанский, итальянский, румынский; 6) индийские: санскрит; 7) древнегреческий; 8) армянский. Другие 26 языков, данные которых привлечены для типологических сопоставлений, относятся к 9 языковым семьям: тюркской (7), финно-угорской (8), самодийской (1), семитской (3), картвельской (1), палеоазиатской (1), австро-азиатской (1), эскимосской (1) и к индейским языкам Америки (3). Автор проводит исчисление возможных рецессивных диатез, маркируемых посредством рефлексивного показателя, устанавливает соответствующие смысловые классы рефлексивов и выявляет их наборы в каждом языке. Результаты типологического сопоставления по смысловым классам в рамках каждой в синтаксической функции представлены в табл. 8–12 (индоевропейские языки) и 13–14 (неиндоевропейские языки). Установлено, что из множества возможных комбинаций синтаксических функций и значений в обследованных языках реализуются только определенные наборы типов. Их независимость от характера рефлексивного показателя и от генетических связей языков указывает на структурную обусловленность формирования функций и значений рефлексивов.

Типологические сопоставления рефлексивов, представленные в монографии, проливают новый свет на некоторые трудные и до сих пор спорные вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков, напр., на давно поражающее языковедов сходство значений рефлексивных глаголов, са-

² Генюшене Э. Ш. Рефлективы в прусском языке. — *Baltistica*, 1981, т. 17 (2), с. 143–155.

³ Ср.: Jakulienė A. Prūsų kalbos sangrąžiniai veiksmazodžiai. — *Baltistica*, 1969, т. 5 (1), p. 37–42.

мостоятельно сформировавшихся в различных языках на разных этапах развития.

Известно также яркое соответствие функций древнеиндийского и древнегреческого медиа с функциями РГ во многих родственных языках (напр., далеко не тривиальное сочетание косвенно рефлексивной, дативной, декаузативной, реципрокной и пассивной функций), а также лексического состава группы *media tantum* и *reflexiva tantum*. Эти соответствия часто объясняются исторической заменой древних форм индоевропейского медиа более новыми рефлексивными конструкциями. Данные, приведенные в работе, свидетельствуют о том, что сочетания указанных функций, характерные для глаголов с рефлексивными показателями, имеют более универсальный характер и наблюдаются во многих семьях языков.

Путем сопоставления состава смысловых классов РГ в разных языках автор выявила пределы варьирования значений РГ и установила их структурную иерархию, которая, по выдвинутой в работе гипотезе, отражает закономерности диахронического развития. Полагается, что синтаксические функции рефлексивных показателей развиваются в последовательности: субъектные РГ > объектные РГ > транзитивные РГ. В группе субъектных рефлексивов постулируется следующая последовательность семантических функций: рефлексивная > посессивно-рефлексивная > автокаузативная > реципрокная > абсолютная.

В связи с данными импликациями можно отметить, что они частично обусловлены определением рефлексивного показателя как элемента в глаголе, имеющего „рефлексивное значение, т.е. значение однореферентности объекта действия (или другого объекта) с субъектом“ (с. 12). Поскольку рефлексивное значение относится к синтаксическому классу субъектных рефлексив-

вов, данное определение уже ставит субъектные рефлексивы в привилегированное положение среди других типов. От исходного постулата не зависят импликации в синтаксическом классе объектных рефлексивов, а именно: декаузативная > пассивная > субъектно-имперсональная функция (с. 146). Типологически обоснованные выводы о развитии пассивных конструкций на основании декаузативной функции рефлексивов, о первичности безагенсного пассива по отношению к пассиву с выраженным агенсом позволяют лучше понять образование пассива и его отношение к медию в индоевропейских языках.

Древнеиндийский и древнегреческий медий и латинский пассив на *-r* по сходству в наборе синтаксических и семантических функций с РГ других языков автором включаются в состав рефлексивов. Указанные типологические импликации последовательно ведут к признанию их первичной собственно рефлексивной функции. Редкость данной функции у медиальных форм древнеиндийского, древнегреческого языка, латинских форм на *-r* и древнескандинавских на *-sk* наряду с использованием для выражения рефлексивности местоимений объясняется тем, что „при наличии в языке двух РП (т.е. рефлексивных показателей. — В. А.) более старый РП раньше всего утрачивает именно функцию смысловой рефлексивности и „передает“ ее более новому РП. Этот процесс, видимо, протекает одновременно с развитием полисемии рефлексивных по значению РГ и их все большей лексикализацией“ (с. 102—103). Сходное мнение о первичности прямо-рефлексивной функции индоевропейского медиа позже было высказано И. А. Перельмутером⁴.

⁴ Перельмутер И. А. Индоевропейский медий и рефлексив (Опыт функционального анализа). — ВЯ, 1984, № 1, с. 3—13.

В свете приведенных в работе сопоставлений образование рефлексивов и развитие их функций в индоевропейских языках представляется как циклический процесс, закономерно повторяющийся примерно в таком порядке: исходный рефлексив (т. е. глагол+личное местоимение) → медиопассив (т. е. „устаревший“, лексикализованный рефлексив, утративший первичное прямо-рефлексивное значение, развивший объектную функцию и автокаузативное, декаузативное, пассивное значения) → обновленный рефлексив (прямо-возвратное значение которого опять маркируется с помощью личного или рефлексивного местоимения). Формально обосновать эту гипотезу можно только исходя из аглютинативной теории происхождения личных глагольных окончаний (особенно 1 и 2 л) путем присоединения к глагольным основам личных местоимений. Попытки соотнести окончания индоевропейского медиа с формами личных местоимений, начатые уже Ф. Боппом, продолжаются и в настоящее время⁵; при этом реконструируются энклитические местоимения в функции датива *-toi, *-soi, *-oi⁶, которые могут быть поставлены в связь с балтийскими дативными энклитиками *ti*, *si*. Однако соотнести окончания медиа с аккузативными формами местоимений для обоснования прямо-возвратного значения крайне затруднительно. По нашему мнению, в этом нет и необходимости, поскольку даже те формы энклитических местоимений, которые были использованы для образования более поздних (сравнительно с медиом) рефлексивных глаголов

⁵ Ср. Georgiev V. I. Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien. — Балканско езиковзнание, 1975, т. 18, 3, с. 43 и след.

⁶ Schields K. A. A proposal concerning the origin of the IE middle voice. — General Linguistics, 1984, v. 24, N 1, p. 51—52.

балтийских и славянских языков, издавна отличались семантическим синкретизмом⁷. Кроме того, дативное значение явно прослеживается, а иногда и преобладает в функциях как медиальных, так и рефлексивных форм. Если принять в качестве исходных как прямо-рефлексивную (аккузативную), так и косвенно-рефлексивную (дативную) функции рефлексивного показателя, некоторые трудности при установлении связей между медиальными и рефлексивными формами оказались бы легче преодолимыми. С другой стороны, вывод Э. Генюшене о вторичном характере функций синтаксического класса „объектных рефлексивов“ находится в полном согласии с тем фактом, что декаузативная функция, как и более общее значение состояния, во многих индоевропейских языках издавна выражалась не столько при помощи рефлексивного показателя, сколько древними способами апофонического чередования, инфиксация и суффиксации (ср. противопоставления типа лит. *versti* „валить“: *virsti* „валиться, падать“ и под.).

Сложная проблема исторических связей медиальных и рефлексивных форм в индоевропейских языках еще требует специального изучения. Этими замечаниями нам хотелось только обратить внимание исследователей на значимость типологических сопоставлений, приведенных в монографии, для решения данной проблемы.

В конце книги имеется резюме на английском языке (с. 147—151), список литературы (с. 152—164) и список сокращений (с. 165—166).

В. Амбразас

⁷ Более подробно см.: Ambrazas V. Lietuvių kalbos vardininko su dalyviu (nominativus cum participio) struktūra ir raida. — LKK, 1978, p. 45—47 с лит.